

Чэнь Мо холодно посмотрел на мать Ван Чэня и спокойно произнёс:

— Хорошо, теперь, когда свидетели указывают на вашего сына, пусть он извинится!

Мать Ван Чэня не собиралась сдаваться. Она наклонилась к сыну и мягко спросила:

— Сынок, скажи маме правду. Это ты сделал?

Если это не ты, то, как бы ни был силен противник, мама всё равно за тебя заступится!

Изначально Ван Чэнь уже был готов признаться, но слова матери подстегнули его уязвлённое самолюбие. Желая сохранить лицо, он тут же изменил свои показания:

— Это не я! Они всё выдумали!

Мать мгновенно воспрянула духом и с вызовом заявила:

— Отлично! Вы сами слышали — это не мой сын!

Я могу только от себя извиниться. Да, я проиграла спор.

Но требовать от моего сына извинений? Никогда!

С этими словами она подняла сына на руки, грубо оттолкнула Чжан Кая в сторону и направилась к машине.

Чжан Кай тут же стал заискивающе улыбаться, кланяясь Чэнь Мо:

— Господин Чэнь, ну что вы! Вы же знаете, какая она. Длинные волосы — короткий ум! Не принимайте всерьёз!

Но Чэнь Мо не дрогнул и спокойно произнёс:

— Кто позволил вам уйти?

Мать Ван Чэня резко обернулась, её глаза сверкали вызовом.

— Что? Что вы ещё хотите? — в её голосе звучала сталь.

— Разве богатство даёт вам право издеваться над нами, простой парой без связей и поддержки? Где ваша совесть?

Чэнь Мо чуть приподнял бровь и, не теряя спокойствия, ответил:

— Совесть? Вы говорите о совести, когда ваш сын, опираясь на ваш статус, унижает других детей, а вы покрываете его, даже зная правду?

Совесть — это извиниться, если вы ошиблись.

Совесть — это научить ребёнка брать на себя ответственность за свои поступки.

А что делаете вы? Уходите, как будто ничего не случилось, чтобы избежать последствий.

Толпа затихла, ловя каждое слово Чэнь Мо. Его голос звучал твёрдо, как колокол, заставляя всех задуматься.

Чэнь Мо, едва сдерживая гнев, холодно ответил:

— Слабая и беззащитная? Да вы сегодня утром чуть ли не хвастались, насколько ваша семья богата и влиятельна! Вы лично звонили моей матери, чтобы вынудить мою сестру покинуть школу. Почему тогда вы не называли себя слабой и беззащитной?

— К тому же, разве я не бедный фермер, который ездит на автобусе? Как вы можете быть слабее меня?

Мать Ван Чэня, с презрением улыбнувшись, бросила:

— Ну и что? Мой сын прав! Если он не будет извиняться, что ты сделаешь? Убьёшь нас двоих?

— Ты просто размахиваешь своими грязными деньгами! Что ты можешь мне сделать?

После этих слов она обратилась к сыну с громким приказом:

— Сынок, ложись на землю, покатайся немного и начинай плакать!

Ван Чэнь мгновенно упал на землю и, перекатываясь из стороны в сторону, начал истошно реветь. Движения были отточенными, как будто он делал это не впервые.

— Ох, нас избили! Ребёнка избили до смерти!!! Люди, помогите! Посмотрите, взрослый человек бьёт ребёнка!!! — закричала мать Ван Чэня на весь двор.

Толпа заволновалась, но вместо возмущения раздались громкие возгласы неодобрения и свист.

Поведение этой женщины стало слишком очевидным.

Её откровенное мошенничество и демонстративная сцена вызвали чувство стыда у всех

присутствующих, особенно у Чжан Кая, который выглядел так, словно хотел провалиться сквозь землю. Даже Ван Дун почувствовал, как его лицо горит от позора.

Но Чэнь Мо лишь усмехнулся, глядя на мать и её сына.

— Отлично, — произнёс он с улыбкой. — Эти двое настоящие мастера в искусстве «упасть на фарфор».

Толпа разразилась смешками. Никто больше не воспринимал мать Ван Чэня всерьёз.

Чжан Кай покраснел от стыда и, кланяясь перед Чэнь Мо, начал извиняться:

— Господин Чэнь, простите, прошу прощения. Это всё моя вина, я недосмотрел за дисциплиной!

Но Чэнь Мо, не смягчаясь, холодно ответил:

— Мне не нужны твои извинения.

— Я уже сказал, чего хочу: чтобы твой сын извинился перед моей сестрой! Мне нужно справедливое слово, а не пустые оправдания!

Он посмотрел на Чжана Кая с такой ледяной строгостью, что тому стало не по себе.

— Хорошо, сынок... — начал было Чжан Кай, но тут вмешалась мать Ван Чэня.

— Не смей подходить к ним! — резко перебила она, схватив сына за руку.

С яростью в голосе она закричала на Чжана Кая:

— Наш сын сказал, что он этого не делал! Ты — его отец, разве ты не должен защищать своего ребёнка?

— Сынок, не бойся! Мама защитит тебя! Мы правы, и даже если сюда придёт сам Небесный Владыка, мы всё равно будем правы!

Эти слова переполнили чашу терпения Гао Минъюаня.

Он повернулся к Ван Дуну, и его лицо потемнело от гнева:

— Если вы не решите эту проблему прямо сейчас, можете завтра на работу не выходить.

Эти слова прозвучали как гром среди ясного неба.

Ван Дун побледнел.

Это же Гао Миньюань!

Мой непосредственный начальник! И он из семьи Гао!

Это было похоже на приговор. Играть с таким человеком — всё равно что подписывать себе смертный приговор.

Он, заикаясь, схватил Чжана Кая за рукав, его голос дрожал от страха:

— Чжан Кай, пусть твой сын немедленно извинится!!!

— Если он не извинится, ты можешь больше никогда не возвращаться в этот дом!

Чжан Кай побледнел, а потом чуть не заплакал. Он посмотрел на сына, который продолжал упираться, и сдавленным голосом сказал:

— Сынок, пожалуйста, извинись... Ты должен это сделать...

Чжан Кай покраснел от стыда и, кланяясь перед Чэнь Мо, начал извиняться:

— Господин Чэнь, простите, прошу прощения. Это всё моя вина, я недосмотрел за дисциплиной!

Но Чэнь Мо, не смягчаясь, холодно ответил:

— Мне не нужны твои извинения.

— Я уже сказал, чего хочу: чтобы твой сын извинился перед моей сестрой! Мне нужно справедливое слово, а не пустые оправдания!

Он посмотрел на Чжана Кая с такой ледяной строгостью, что тому стало не по себе.

— Хорошо, сынок... — начал было Чжан Кай, но тут вмешалась мать Ван Чэня.

— Не смей подходить к ним! — резко перебила она, схватив сына за руку.

С яростью в голосе она закричала на Чжана Кая:

— Наш сын сказал, что он этого не делал! Ты — его отец, разве ты не должен защищать своего ребёнка?

— Сынок, не бойся! Мама защитит тебя! Мы правы, и даже если сюда придёт сам Небесный Владыка, мы всё равно будем правы!

Эти слова переполнили чашу терпения Гао Минъюаня.

Он повернулся к Ван Дуну, и его лицо потемнело от гнева:

— Если вы не решите эту проблему прямо сейчас, можете завтра на работу не выходить.

Эти слова прозвучали как гром среди ясного неба.

Ван Дун побледнел.

Это же Гао Минъюань!

Мой непосредственный начальник! И он из семьи Гао!

Это было похоже на приговор. Играть с таким человеком — всё равно что подписывать себе смертный приговор.

Он, заикаясь, схватил Чжана Кая за рукав, его голос дрожал от страха:

— Чжан Кай, пусть твой сын немедленно извинится!!!

— Если он не извинится, ты можешь больше никогда не возвращаться в этот дом!

Чжан Кай побледнел, а потом чуть не заплакал. Он посмотрел на сына, который продолжал упираться, и сдавленным голосом сказал:

— Сынок, пожалуйста, извинись... Ты должен это сделать...

Не говоря уже о таком богатом человеке, как Чэнь Мо, одно лишь слово от него в деловом мире может разрушить мою репутацию, — думал Чжан Кай.

Он осознал, что во избежание дальнейших проблем сын должен извиниться.

Чем больше Чжан Кай обдумывал ситуацию, тем сильнее в нём закипала злость. Наконец, он шагнул к матери Ван Чэня.

— Ты что собираешься делать? Хочешь ударить меня? — закричала она, глядя на него с вызовом. — Я тебе вот что скажу: мы, родители, готовы на всё ради своих детей! Воспитание — это борьба за них любой ценой...

Шлёп!

Раздался громкий звук пощёчины.

Мать Ван Чэня застыла на месте, ошарашенная.

— Ты... ты ударил меня? — она схватилась за лицо, пытаясь осознать произошедшее.

— Я не только ударю тебя, но и подам на развод!!! — взревел Чжан Кай.

— Ты... ты хочешь развестись из-за такого пустяка?! Ты что, сошёл с ума, Чжан Кай? — её голос задрожал.

— Если я этого не сделаю, то вообще не смогу вернуться домой! — ответил он с такой яростью, что его лицо побагровело.

Чжан Кай снова поднял руку, и ещё одна пощёчина заставила женщину сесть на землю. Она начала громко плакать, качаясь из стороны в сторону.

Но Чжан Кай больше не обращал на неё внимания. Он повернулся к дрожащему от страха Ван Чэню.

— А ты, маленький негодник, подойди сюда!!! — его голос был полон гнева.

Ван Чэнь, дрожа, сделал шаг вперёд.

Он понимал, что после того, как его мать была унижена, прятаться за её спиной больше не получится.

— Говори! Что произошло?! — закричал Чжан Кай, с трудом сдерживая ярость.

— Да... это я... я упал сам и подставил Чэнь Сяоё... Я... я просто подумал, что она красивая, и хотел с ней поиграть... — пробормотал Ван Чэнь, не поднимая глаз.

— Вот же мерзавец! — завопил Чжан Кай, окончательно потеряв самообладание.

Из-за этого мальчишки вся их семья оказалась в такой ужасной ситуации!

В ярости он пнул сына в спину, и тот рухнул на землю прямо перед Чэнь Мо, лежа словно побитая собака.

— Извиняйся!!! — взревел Чжан Кай.

— Да... прости... Я был неправ... — захныкал Ван Чэнь.

Но тут к нему подошла Чэнь Сяоё и, склонившись, помогла ему подняться.

— Это не страшно, — сказала она с мягкой улыбкой. — Учитель говорил, что если признаёшь свои ошибки и исправляешь их, то ты хороший человек.

Слова девочки тронули Ван Чэня до глубины души. Он разрыдался ещё сильнее и, всхлипывая, произнёс:

— Я... я больше никогда никого не буду обижать... Сяоё, я правда понял свою ошибку... Прости меня...

Чэнь Мо молча наблюдал за происходящим, слегка кивая с удовлетворением.

Всего лишь детский конфликт, но взрослые раздули из него такой скандал!

Гао Минъюань, нахмурившись, повернулся к Ван Дуну и строго сказал:

— А ты напишешь мне отчёт на 10 000 слов о случившемся, и у тебя вычтут зарплату за два месяца.

— Да-да, спасибо, Гао-сы, спасибо! — кивал Ван Дун, облегчённо вздыхая.

Работа сохранена — и на том спасибо.

Ситуация была улажена.

Чэнь Мо обернулся к директору детского сада и группе учителей, сделав знак рукой.

Директор подошёл с виноватым видом, нервно потирая руки и пряча взгляд.

— Господин Чэнь, простите, я был неправ!

— Нет, не называйте меня господином. Я ведь всего лишь бедный фермер. А теперь повторите, что вы сказали моей матери по телефону, — спокойно произнёс Чэнь Мо, глядя прямо на директора.

— Господин Чэнь, я официально приношу извинения вам и вашей семье. Мне очень жаль за

причинённые неудобства, — директор тут же поклонился под углом девяносто градусов.

— Успокойтесь, если бы я знал, что вы...

— Что *вы знали*? Разве дети из бедных семей заслуживают того, чтобы их унижали? Вы работаете в сфере образования, а это значит, что вы должны учить морали. Понимаете?

— Понимаю, понимаю! Спасибо, что вы меня научили, господин Чэнь, — директор опустил голову, едва не прижимая её к груди от стыда.

— Это первый раз. Но если такое повторится, не я буду разбираться, а мои братья. И я вам этого не прощу! — сказал Чэнь Мо, его голос был спокоен, но твёрд.

Рядом стоящий Лю Хуачан зловеще улыбнулся директору, от чего тот задрожал, как осиновый лист.

— Не волнуйтесь, господин Чэнь, такого больше не случится! На этот раз вся вина лежит на мне. В знак искренности, я обещаю, что для Сяоё обучение и все дополнительные расходы будут бесплатными. Более того, я выделю лучшего учителя в нашем детском саду, чтобы он занимался с ней индивидуально!

— Ну что ж, на этом и остановимся, — кивнул Чэнь Мо, повернувшись, чтобы уйти.

Чэнь Мо обернулся, махнул рукой, и вся группа людей разошлась, словно волна, отступившая от берега.

На дороге Лю Хуачан с улыбкой обратился к Чэнь Сяоё:

— Маленькая принцесса Оно, как тебе дядя?

Чэнь Сяоё широко распахнула свои большие, блестящие глаза и с улыбкой ответила:

— Дядя такой хороший!

— А насколько хороший? — спросил Лю Хуачан с видом, будто ждал похвалы.

— Хотя дядя очень-очень некрасивый, он очень добрый и очень-очень-очень хорошо относится к Оно! — невинно произнесла Сяоё.

Лю Хуачан замер.

— ... — он почувствовал, что снова впадает в состояние полной автозамкнутости.

— Оно! Как ты разговариваешь? — резко осадил её Чэнь Мо.

Лю Хуачан поспешно замахал руками:

— Брат, не надо! Это же ребёнок...

— У тебя что, рот мёдом намазан? Если можешь говорить — говори больше. Если не можешь, я тебе книжку напишу! — произнёс Чэнь Мо с притворной строгостью, поднял Чэнь Сяоё на руки и чмокнул её в щёчку.

Лю Хуачан вздохнул, явно пытаясь скрыть обиду, но его лицо было слишком красноречивым.

После короткой паузы он ехидно спросил:

— Кстати, Брат Мо, а почему ты не избавился от директора детского сада? Ты что, заинтересовался ею? Эй, хоть она и постарше, но в ней определённо есть шарм. Такие женщины лучше всего умеют заботиться о людях!

Чэнь Мо взглянул на него с прищуром, и Лю Хуачан поспешил перевести тему, сам не зная, куда девать своё смущение.

— Хватит нести чепуху! — осадил Чэнь Мо Лю Хуачана, вспомнив, что рядом ребёнок, и не хотелось при ней говорить слишком резко.

— Причина, по которой я не стал избавляться от неё, в том, что теперь, зная, кто я, она точно будет заботиться о Сяоё.

А как она будет обращаться с другими — думаешь, мне это действительно важно? — спокойно сказал Чэнь Мо.

Лю Хуачан хлопнул себя по лбу, как будто вдруг осознал что-то важное.

— Уволить директора, конечно, было бы удовлетворением для нас, но оставить её на месте — гораздо лучше для ребёнка, — пробормотал он, словно подтверждая слова Чэнь Мо.

— Брат Мо, — понизив голос, продолжил Лю Хуачан, — я уже связался с людьми на стройке. Что будем делать с Хэ Чаолином?

— Увидимся завтра, — ответил Чэнь Мо, отворачиваясь к окну и глядя куда-то в сторону юга.

Его лицо застыло в задумчивом выражении.

В сердце вспыхнула смутная тревога.

Неужели Хэ Чаолин так легко поддастся моему контролю? — подумал он, но ничего не сказал вслух.

<http://tl.rulate.ru/book/123363/5275194>